

О.В. Зотов

ИБ РАН

«Магнитный веер истины»: оценка и прогноз истории Восточного Туркестана

То, что видим мы, видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна...

Омар Хайям

...Определить, на чью сторону
склоняется чаша весов,
на чьей стороне сила, т.е. судьба.

Ш. де Голль

*Оценка истории Восточного Туркестана (явной и тайной)
предпринята нами в междисциплинарных рамках
гео-историко-политики с помощью стратегического
метода Сунь-цзы и А.Е. Снесарева*

1. Синьцзян, или Новая граница Китая. Восточный Туркестан был присоединён к маньчжуро-китайской империи Цин как наместничество Синьцзян (Новая граница) в 1759 г., ровно 250 лет назад. За этот период он так и не стал органичной частью Китая. Центральная Азия – «самое уязвимое место России» (И. Валлерстайн; см. [15, с. 63, 172]), Синьцзян же есть:

а. ворота России, Китая, Индии, Афганистана и Пакистана,

б. «несущая конструкция» ШОС и в то же время

в. 1-й номер

в1. евразийской «дуги нестабильности» и

в2. 1-го эшелона исламского джихада (см. [48; 38, с. 89–90]).

Безопасность России зависит от развития обстановки в центре Азии – в соответствии с логикой истории Восточного Туркестана. Его пытались использовать в концепциях I, II и III мировых войн англичане, немцы, американцы (см. [5, 6]). По плану ген. Мак-Грегора Синьцзян – плацдарм для главного удара по России (см. [17]). В немецком «Туркестане» (1942; соавтор Р. Олышца – командир «Восточнотуркестанского легиона» СС; см.

© Зотов О.В., 2010

[52; 25, с. 346]) намечено воздействие на Евразию по линии Уфа–Карачи и в треугольнике Кабул–Кашгар–Яркенд; вместе с «чёрным центром» Азии в Синьцзяне (см. [5]) – стрелка геополитического «компаса». В XIX в. В.В. Григорьев преобразовал историко-географический обзор Восточного Туркестана в комплексный исторический труд; в XX в. в России такие попытки не повторялись. На Западе «по К. Риттеру» работал М. Правдин (наст. имя М. Чорел, Chorell; Корел? Хорел?), в духе Григорьева – американец Ф. Теггарт (см. [55; 56]). Из указанных работ следует, что фактор Синьцзяна – явление не региональное, а глобальное.

2. Скрытая история. Исторический процесс в целом и многие его значимые факты скрыты от глаза исследователя. (О. Бальзак писал о «тайной истории, скрывающей подлинные причины событий»; см. [23, с. 158–159]). Исторические факты делятся на четыре группы: 1. *открытые* (ускользающе-изменчивые, Случайно-Конкретные Исторические Факты – СКИФ. Над «открытым» Материалом Исторических Фактов – МИФ – трудится Отряд Азиатских Исследований: Asian Studies Detachment военной разведки США, занятый OSINT – Open Sources INTelligence; см. [4, с. 32]); 2. *скрытые* Факты Истории с Неясными Контекстуальными Связями (СФИНКС); 3. *весьма скрытые* – т.е. Сущностно Изменчивые, но Значимые Исторические Факты (СИЗИФ); 4. наконец, *тайные* факты – Актуальные Факты Истории, Недоступные Анализу обычными методами (АФИНА).

Рассмотрим, как соотносятся эти виды фактов на примере «дани», приносимой иноземцами правителям императорского Китая. Сам этот факт является открытым. Скрытая же природа этого явления позволяет определить его как псевдоданничество, что выявляется через несоответствие формы и содержания. Причины же самого псевдоданничества носят весьма скрытый характер номинального вассалитета иноземных правителей. Первопричина «вассалитета» относится к категории тайных фактов истории (явление высшей скрытности – доктрина универсальной монархии). «Открытые», но лукавые факты доступны наблюдению, скрытые – анализу, весьма скрытые – более сложному синтезу, тайные факты – лишь при обращении к специальным историческим исследованиям (в данном случае, прежде всего к работам А.А. Бокщанина и А.С. Мартынова).

По О. Хайяму, СКИФы – «это видимость только одна», СФИНКСы – «далеко от поверхности моря до дна», СИЗИФы означают, что надо «полагать несущественным явное в мире», АФИНА – что «тайная сущность вещей не видна». Присоединение Восточного Туркестана к империи Чингис-хана было мирным и почти равноправным: царство уйгуров Кочо приняли в империю на правах 5-го улуса (четырьмя владели сыновья хана) в рамках соглашения типа китайских договоров «мира и родства» (*хэцинь*). Другая часть страны – мусульманское государство Караханидов было освобождено Чингис-ханом из-под власти ламаистов-Каракитаев. Потому уйгуры считают:

...Наши предки – Тимур и сам Чингис-хан (см. [51, с. 2]).

3. Сунь-цзы и скрытые алгоритмы истории. Обратимся к формализации истории Восточного Туркестана, проделанной В.В. Григорьевым в 14-ти главах т. 2 его труда. Выстроенные по Сунь-цзы периоды представлены в двух вариантах. Их разница – в различном наложении схемы Сунь-цзы (13 элементов) на хронологию региональной истории (14 элементов): в первом случае «китаецентричная» нумерация начинается с гл. 2 – китайских данных эпохи Хань (с появления Китая в регионе); во втором («автохтонном») случае – с гл. 1. В первом случае схему включает период борьбы империи Цин с инсургентами, а независимое государство Йеттишар исключается, во втором – указанный период сохраняется. В «китайском» случае центральные места (порядковые номера 4, 10) занимают периоды путешествия Сюань-цзана и позднейшего ойратского господства, в «автохтонном», наоборот – периоды отсутствия в стране и Китая, и Джунгаро-ойратского ханства.

На скрытые взаимосвязи исторических фактов указывают две версии написания имени Сунь-цзы: через «связи» (*ce*) в написании полном и «маленький» (*сяо*) – в сокращенном. (Омоним *сяо* означает «знать, понимать».) Двумя написаниями своего имени Сунь-цзы как бы приказывает: «узнайте и поймите [взаимо]связи». Роль этих взаимосвязей подчёркивал Г. Спенсер: «объект – неизвестная постоянная связь (*nexus*), которая сама никогда не бывает явлением, но явления порождает» (у М. Вебера «каузальные связи»; см. [19, с. 141]). О. Хайям об этом писал: «Чрез сито неизвестного известного просей...» По Фюстель де Куланжу, история занимается не столько фактами, сколько их метаморфозами. Суть метаморфоз реальной истории выявляется через скрытые связи и алгоритмы. Ген. Снесарев ставит вопрос о [практическом «Р»] управлении историческими переменами, которые можно и нужно [научно предвидеть «W»] и заранее [целенаправленно «S»] подготовить; $\Psi = S + W + P$.

4. Стратегический метод. Основы стратегического метода гео[историо]политики разработаны ген. А.Е. Снесаревым. Традиционное историописание далеко не адекватно целям и задачам науки: «перечень исторических фактов без всякой взаимной связи между ними, без всякой причинной зависимости будет туманен, бессвязен, исторически нелогичен» (см. [26, с. 35; 30, с. 46]). Поэтому к истории применим принцип совокупной геополитической мощи цивилизации, обозначенный «уравнением мироздания» (лат. *aequitas mundi*, или «формула фатума»). В геополитике ресурс конкретной страны порождает энергию народа и работу государства (триада страна-народ-государство). В гео-историо-политике страна складывается в прошлом, а энергия народа в настоящем позволяет государству работать на будущее. В алгебраическом виде это материальные элементы $F = C + E + M$. Ведущую роль в истории и политике всегда играют силы духовные, втрое-вчетверо сильнее: цели-и-ценности «S», теория «W» и практические технологии «P»; $\Psi = S + W + P$. Интеграл совокупной мощи выглядит как: $Pp = (C + E + M)(S + W + P)$ – (см. [42, с. 11]). В пределах каждого периода истории элементы цивилизации вызревают в указанной последовательности, хотя и неравномерно, и не всегда синхронно.

Предшественник А.Е. Снесарева – древнекитайский военный классик Сунь-цзы. Труд «Сунь-цзы бинфа» делится на 13 глав, выстроенных попарно и скомпонованных подобно вееру на стержне главы 7-й («Борьба»): 1-13 (высшая стратегия – разведка), 2-12 (стратегия – диверсии), 3-11 (оперативная стратегия – смена соотношения сил), 4-10 (приоритеты борьбы – соотношение сил), 5-9 (метаморфозы – манёвр), 6-8 (инициатива – риск). У ген. Снесарева это удвоенная, зеркально отображённая формула: (С+Е+М)(S+W+P)(P+W+S)(M+E+C).

5. Исторические альтернативы. Применительно к Восточному Туркестану известны две альтернативы исторического развития – одна нисходящая и одна восходящая, обозначенные через *aequitas mundi* (см. [39, с. 132–133]). Именно в данном ключе может и должна рассматриваться т.н. «судьба Синьцзяна». Важно то, что история а) предсказуема и б) управляема, а не стихийна; что позволяет действовать (см. [43, с. 520; 47, с. 314]), находя в истории «единственный путь к цели» (см. [29, с. 240; 39, с. 21]).

6. Тридцать шесть «стратагем» истории. Первая попытка обобщения истории Восточного Туркестана предпринята В.В. Григорьевым ровно 140 лет назад, в 1869 г. (см. [3, т. 1]). Географию Восточного Туркестана В.В. Григорьев рассматривает с точки зрения исторического процесса (на основе разнообразных источников) в 36 порайонных описаниях страны. Те дают неожиданный эффект в сопряжении с текстом древнекитайского военного источника «36 стратагем» (см. [35]). 36 стратагем – по сути формула Снесарева в шестикратном её повторении.

Стратагеме № 1 «Обман государя» соответствует дефицит исторической информации о Хотане – первом крупном городе на древнейшем Шёлковом пути, проходившем много южнее позднейшего, вдоль хр. Куньлунь; № 2 «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» – разветвление Хотан-дарьи на Каракаш и коварную Юрун-каш; № 3 «Чужим ножом убить человека» – индийский облик культуры Хотана; № 4 «спокойно ждать, пока враг утомится» – бытование в Хотане терпеливо-миролюбивого буддизма; № 5 «На пожаре грабёж» – описание знойной степной дороги к воинственным уйгурам; № 6 «Подняв шум на востоке, напасть на западе» – меньшая зависимость расположенного к западу Хотана от расположенного к востоку Китая, чем наоборот; № 7 «Из ничего что-то» – скудость полезных сведений у Марко Поло; № 8 «Тайно выступить в Чэньцян» – интрига иезуита Б. Гозса с целью проникнуть в Китай; № 9 «С другого берега наблюдать за пожаром» – отстранённое описание событий, торговли и судеб автохтонной государственности; № 10 «В улыбке нож» – страх китайцев перед мусульманами; № 11 «Пожертвовать сливой, чтобы спасти персик» соответствует предпочтению китайцами процветавшего до них г. Яркенда стратегическому перевалу Санджу, перекрёстку Азии; № 12 «Увести овцу, попавшую под руку» – сочетание миролюбивого населения с алчными беками, которых это население посылно обманывает; № 13 «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею» – небезопасная система управления Синьцзяном и попытки выявления мятежников; № 14 «Занять труп, чтобы спасти себе жизнь» – а) исторический мрак до XIII в., б) горные пути трудны, в) народ ненадёжен; № 15

«Выманить тигра с горы» – изгнание каракитаев монголами; № 16 «Чтобы схватить, дать сперва отойти» – неточность сведений, путаница насчёт Хотана и Кашгара, не мешающая сразу «схватить» обстановку; № 17 «Бросить кирпич, чтобы получить яшму» – одни пункты оставлены, в других – наращиваются войска; № 18 «Прежде схватить главаря» – основополагающие данные о связях востока с западом и секретных путях; № 19 «Выгаскивать хворост из очага» – натуральные налоги и деньги из Восточного Туркестана уходят в Пекин; № 20 «Мутить воду, чтобы поймать рыбу» – собрание противоречивых сведений о периодах от Хань до Цин на за 2 тыс. лет; № 21 «Цикада сбрасывает чешую» – общее описание 13 городов Восточного Туркестана; № 22 «Запереть ворота, чтобы схватить вора» – перепады высот, змееобразные пути; № 23 «Дружить с дальним, воевать с ближним» – трудно осуществимо в силу климатических особенностей страны (ветров, туманов и ливней); № 24 «Потребовать прохода через Го, чтобы напасть на него же» – плодородные земли уязвимы к осадкам и стуже, да и территория в целом опасна; № 25 «Подменить колонны, не двигая дом» – оценка ремесленного производства и жителей в стабильном режиме их жизнедеятельности; № 26 «Грозить софоре, указывая на тут» – оценка деятельности местных хаким-беков (критика и угрозы в их и не только в их адрес); № 27 «Притворяться глупым, не поддаваясь соблазнам» – китайские власти не пользуются авторитетом и, в свою очередь, не доверяют местному населению (использованы также доступные донесения А. Бёрнса); № 28 «Завести на крышу и убрать лестницу» – дорога Яркенд-Ладак настолько опасна, что там нет даже разбойников; № 29 «На сухом дереве повесить цветы» – высокогорные и трудные дороги в Бухару и Коканд удобны лишь три летних месяца, но торговля всё же довольно активна; № 30 «Посадить гостя на место хозяина» – устаревшие данные вместо современных; № 31 «Красавица» – старинные пути «кокетливо» сходятся и расходятся; № 32 «Пустой город» – бесплодные горы и суровые перевалы, таящие много непонятных опасностей (как в знаменитой хитрости Чжугэ Ляна); № 33 «Возвращённый шпион» – ранее затерянный, попавший в немецкие руки и Риттером «возвращённый» дневник русского купца о трудных дорогах и ценности скудных ночлегов; № 34 «Нанести себе рану» – солончаки Памира («не сыпь мне соль на раны»); № 35 «Цепи» – добровольно выбран суровый, изнурительный путь; № 36 «Бегство – лучший приём» – осторожность и постепенность, уклонение от прямого противостояния.

36 стратагем делятся на 6 групп: 1) победных сражений, 2) равенства сил, 3) наступления, 4) нескольких участников сражения, 5) сражений с участием третьей стороны, 6) проигрышных сражений. Итоги групп выявляются по 6-м, самым ёмким элементам. Итог 1-й («победной») группы исторических стратагем Восточного Туркестана: культурные отличия от Китая и малая (либо вообще никакая) зависимость от последнего. Итог 2-й («равносильной») группы: беки вероломны, китайцы боятся. Итог 3-й («наступательной») группы: скрытые пути, неточные сведения, каракитаи монголами изгнаны. Итог 4-й («плюралистической») группы: пути «змеиные», везде опасности, эксплуатация края происходит на зыбкой геополитиче-

ской почве. Итоги 5-й («тройственной») группы: между китайцами и местными жителями взаимное недоверие, пришельцам досаждают беки и вредные насекомые, край активно торгует не с Китаем, а со Средней Азией. Итоги 6-й («фатальной») группы: бесплодные горы, распустья, солончаки, на высоте огонь почти не горит; везде и во всём нужна осторожность. Получается, что: 1) минимальны исходные «С» шансы успеха Китая, 2) силы «Е» китайцев и уйгуров взаимно нейтрализуются, 3) историко-географические перспективы политики «М» не благоприятны Китаю, 4) на пути к цели «S» китайцев подстерегают «змеи», 5) взаимное непонимание «W» отдаляет Туркестан и Китай друг от друга, 6) препятствия на практике «P» требуют от Китая осторожности, сдержанности, ограничения геополитических планов и дел; $Pp=(C+E+M)(S+W+P)$, что и рекомендует стратегема № 36 «Бегство». В обратном порядке: пространство-время-народ «С» Восточного Туркестана, малые силы Китая «Е», зыбкая и змеино-коварная почва китайской политики «М», малые перспективы продвижения к цели «S», бездна взаимного непонимания «W», малая практическая совместимость Китая и Восточного Туркестана «P»; $Pp=(C+E+M)(S+W+P)$. Неслучайно предпосылка минимально успешной китайской политики в стране – предельная осторожность: геополитика работает в Восточном Туркестане против Китая.

7. «Ключ к мировой политике». На Западе не забыли, что Синьцзян становится, как предвидел ген. Снесарев, «ключом к мировой политике» по мере созревания 3-го Восточного вопроса (см. [28, с. 3–4, 170, 172–173]). Роль и значение Синьцзяна («стержня Азии» по определению американца О. Лэттимора) как геополитического центра мира (Сердца Земли у Х. Макиндера) из виду не упускалось. М. Правдин подчёркивает, что события в треугольнике Монголия–Тибет–Восточный Туркестан отзываются эхом в центре Евразии и всего Восточного полушария.

8. Коды истории Восточного Туркестана. Путём Григорьева (и Сунь-цзы) пошёл Ф. Теггарт в монографии «Теория и процессы истории» (см. [56]). Он порывает с описательной историей в пользу системной, ориентированной социологически и политически. Идя путём Сунь-цзы, Григорьева и отчасти Теггарта (см. [3, т. 2; 56]), историю Восточного Туркестана можно представить в виде 13 этапов:

1. период Хань (соперники – хунны);
2. с Троецарствия по Суй (многочисленные варвары, включая тюрков с их мощными каганатами);
3. период Тан (Уйгурский каганат в Монголии);
4. период Удай и Сун (уйгуры и караханиды Восточного Туркестана);
5. период Сун-Юань (Чингис-хан и преемники);
6. период Мин (Тимур и моголы);
7. разложение Могольского ханства в Восточном Туркестане, усиление теократии ходжей;
8. период цинского господства;
9. период феодальных милитаристов-губернаторов Синьцзяна;

10. 1-я Восточно-Туркестанская республика 1930-х гг.;
11. правление ген. Шэн Шицзя;
12. 2-я ВТР 1940-х гг.;
13. СУАР КНР.

Уже 1-я ВТР отличалась прочной исторической укоренённостью в Синьцзяне (пара 4–10). Что касается остальных пар, то и они объяснимы: 2–12. 2-я ВТР существовала в период ослабления Китая и усиления соседних держав, как и Тюркские каганаты, 3–11. 1-я ВТР «симметрична» Уйгурскому каганату, который китайцы также ликвидировали чужими руками, 5–9. В XIII и первой половине XX вв. в Восточном Туркестане правили сепаратисты, 6–8. Альтернативой власти Тимура и Моголов в Восточном Туркестане стало цинское господство как результат – 7 – разложения и клерикализации ханства Моголов. Подчас делается поспешный вывод о едва ли не постоянном присутствии Китая в Восточном Туркестане на основе частного случая – одной лишь пары 1–13, Хань – СУАР. Но обеим династиям Хань завоевание края оказалось не по силам, и они прибегли к «стратагемной дипломатии» (ярчайший пример – Бань Чао, прототип Лоуренса Аравийского). Сильные китайские империи Хань и Тан либо вовсе не смогли добиться контроля над Восточным Туркестаном, либо добивались его чужими руками и скоро теряли (в итоге танского «завоевания» силами тюркских союзников край стал Туркестаном). Лишь империя Цин преуспела в завоевании, но опять же чужими руками союзных ойратов и теократов-ходжей. На протяжении 22 веков Китай не мог не то что завоёвывать Восточный Туркестан, но даже туда проникнуть самостоятельно. Империя Цин уничтожила ойратов, а ходжей взяла под жёсткий контроль. Теперь нет ни прежних ходжей, ни Джунгарского ханства, что контролировало страну ещё до прихода империи Цин. Но если не было завоевания как такового, то нет оснований для безусловного удержания края новейшим Китаем.

Этим тайны истории Восточного Туркестана не ограничиваются. «Кодирование» истории страны происходит по принципу сочетания одного варианта системы Сунь-цзы и двух – ген. Снесарева (шести- и восьмеричного *aequitas mundi*; у китайцев «1 рождает 2, 2 рождает 3, 3 – всю тьму вещей»). Формула Сунь-цзы удваивается до 26 периодов прошлой и современной истории Восточного Туркестана. На узловых её моментах стоит остановиться. Так, период Тан (тюркизации страны) кодируется в троичной системе как 4MS, т.е. приоритет 4 органичного перехода военно-политического фактора М в целевой S и в пользу тюрков. Период Чингис-хана кодируется как 7CW, т.е. Чингис-хан обладает удвоенной геополитической интуицией. Период Тамерлана кодируется как 9C₁M: Тимур управляет временем-и-пространством C₁ истории методами военно-политического М манёвра 9. В отличие от Тимура у Моголов Восточного Туркестана (код 10C₂S) нарушено разумное соотношение 10 человеческого начала C₂ и целеустремленности S, что и обернулось узурпацией их легитимности со стороны теократов-ходжей (чей «пассионарный» код 11EW). В XVIII–XIX вв. империя Цин закономерно унаследовала у ойратов господство над Восточным Туркестаном (переход ойратского разрушительного

кода 12MP в цинский «миротворческий» 13CS₁), затем – в агрессивный 14(1)ES₂. Неустойчивость независимого государства Йеттишар (1865–1878) объяснима диспропорцией 15(2)MW (военная идеология без стратегии). Коды режимов милитариста Шэн Ши-цая и 2-й ВТР (1944–1949) преемственны в виде 19–20(6–7)СЕМ. Установившийся в Синьцзяне в 1949 г. режим имеет охранительный код 23(10)WW, а возникший вокруг подпольной Народно-Революционной партии Восточного Туркестана (1968–1975 гг.) Объединённый Революционный фронт – код 24(11)PP (активного изменения 11P в соотношении сил 10). Неудивительно, что распространившаяся на пространство Синьцзяна Аль-Каида имеет следующий по порядку, интегрально-подрывной код 25(12)C₁Pp, Исламская партия Туркестана – интегральный народно-почвенный код 26(13)C₂Pp.

Судя по Белой книге обороны КНР, положение в Синьцзяне для Китая куда опаснее, чем тибетский и тайваньский вопросы. Оппозицию в Синьцзяне считают слабой, т.к. она якобы «раздроблена» и не имеет харизматического лидера (на деле существуют «харизматические центры»; см. [46, с. 307]). Но в сетевой войне боевики и «разобщённые» группы способны бесконечно истощать превосходящие силы противника: вообще «невозможно одержать победу на полях сражений, которых не существует» (см. [12, с. 221]). В РЭНД Корпорейшн считают вопрос отделения Синьцзяна от Китая практически решённым и лишь временно отложенным (см. [41, с. 227]). В этой связи США принимаются меры «к отеснению нестабильности на периферию» (идут разговоры о всём пространстве Внутренней Азии; см. [2, с. 114]).

«Материал Исторических Фактов» (МИФ), о которых писал Д.С. Милль, не означает роковой неизбежности – скорее возможность, тенденцию, вероятность. Потенциал (Potential power, Pp) геополитики предполагает возможность предвидения – Possibility to predict (Pp). Изучение не отдельных событий и фактов, а процессов и тенденций делает возможной интеграцию истории и стратегии в гео-историю-политике: стратегия – это «ряд последовательных этапов достижения цели в очень широкой перспективе» (ген. А.А. Свечин). Термин же «альтернативная история» подразумевает вероятность, обоснованное предположение возможного, перспективу и, соответственно, прогнозирование будущего. (В «Бытии несвершившегося» С.А. Модестова, см. [19], подразумевается именно это.) «Несвершившееся» (кит. *вэй лай*) есть как раз «будущее» (или *цзян лай*, предвидимое и управляемое генералами-стратегами – «*цзян[цзюнями]*»).

9. Восемь конфликтов, сжигающих Азию. Внешней политике России традиционно присущ один существенный недостаток – постоянные колебания и разрывы между западноевропейским и восточноазиатским направлениями. По словам ген. Снесарева, Россия подвергается распятию между Западом и Востоком, а положению в Сердце Земли – Центральной и Южной Азии уделяется недостаточное внимание, здешние – глобального значения – конфликты недооцениваются.

Из конфликтов в данном регионе важнейшую роль играют восемь, тяготеющих к «солнечному сплетению» Азии на стыке юга и центра континента – в зоне соприкосновения России, Китая и Индии:

1. Фергана, разделённая между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном;
2. Таджикистан, где по-прежнему тлеет гражданская война;
3. Афганистан;
4. Северный Пакистан;
5. Белуджистан;
6. вечный предмет раздора – Кашмир;
7. Тибет и
8. Синьцзян.

Все страны и конфликты взаимосвязаны. Таджикистан обеспечивает сообщение между Афганистаном и Ферганой, а через ее киргизскую часть и Памир – с Синьцзяном, где (как и в пакистанском Белуджистане) негласно разворачивается партизанская война. В указанных случаях народы «С₂» борются за свободу или социальную справедливость на своей земле. В узбекской Фергане население теснится на ограниченном пространстве «С₁» в состоянии экономической «Е» бедности, в Фергане киргизской прибавляется неравноправие элит и населения по линии Север-Юг. В перечисленных странах исламские радикалы не только предлагают альтернативную систему ценностей «S₁», жизненных целей «S₂», теоретических знаний «W», но и практик «P» борьбы в совокупности с военно-политическими «M» моделями государственности; $Pp=(C_1+C_2+E+M)(S_1+S_2+W+P)$. Народы многонациональных государств могут бороться за социально-экономическое равноправие (как белуджи Пакистана) или этнокультурное равноправие (тибетцы КНР). Но ни один конфликт не достигает того всеобъемлющего характера, какой можно наблюдать в Синьцзяне. Там идёт цивилизационная война, поскольку автохтоны-уйгуры (элементы «С₁₋₂») не приемлют безработицы и экономического бесправия «Е», псевдоавтономии и политического неравноправия «M», чужды китайцам конфессионально и культурно («S₁»; ислам), имеют противоположные цели «S₂»; они не хотят признавать себя на своей родине т.н. «национальными меньшинствами» ни теоретически «W», ни практически «P». В Синьцзяне налицо то, чего нет в других семи случаях: 1. национально-освободительное движение и 2. борьба за выживание народа, чья численность (0,006 % населения КНР) сокращается методами насильственного регулирования рождаемости и «мягкого геноцида» – ассимиляции (о масштабах сопротивления см. [58, № 8, с. 88, № 4, с. 89]).

Именно в Синьцзяне усилиями властей КНР создана база для исламского фундаментализма и экстремизма, сепаратизма и терроризма. После того, как для подавления массовых протестов власти КНР применяли военную авиацию, уйгуры вряд ли пойдут на диалог с властями. В национальном характере уйгуров нет жестокости, но их деликатность в Пекине, похоже, переоценивают. Объединённая Исламская партия Туркестана не только руководима Аль-Каидой, но и пользуется негласной поддержкой Запада – как важный козырь в борьбе с Китаем. Синьцзянский фактор – наиболее интегрированный – может стать и запалом геополитического «боеприпаса» Центральной и Южной Азии, и медленным огнём на фитиле, ведущем к Уфе, Москве, Пекину и Дели. Тлеющий характер указанных конфликтов позволяет держать их в резерве, управлять ими и, главное, синхронизировать. В этой войне частичные успехи дают накопление предпосылок решающего раскола глобального «кирпича» БРИК – объединения Бразилии, России, Индии и Китая, главного противника США в XXI в., в уязвимых тылах Китая. События в Азии во все времена играют глобальную роль, а Синьцзян всё яснее становится, по определению ген. Снесарева, «ключом к мировой политике».

10. «Историческая перспектива с высот Олимпа» (см. [53, с. 17–18]). Новизна Большой игры в центре Азии состоит в «тонкой» хаотизации региона (в отличие от хаотизации «грубой» в Ираке) – подстрекании талибов и их союзников к экспансии в соседние страны. Провокация нацелена против Средней Азии, Индии, России и, наконец, Китая – главного соперника США – путём воздействия на Восточный Туркестан. В Афганистане подготовлены боевики разных национальностей, включая уйгуров, сформированы отряды повстанцев. Возможность активизации уйгуров Синьцзяна в любой момент, аморфность ШОС наподобие АСЕАН (расширение такой ШОС способно скорее принизить роль ОДКБ и ЕврАзЭС, что выгодно опять-таки США; см. [16, с. 43, 76]) усугубляют неустойчивость Китая и сопредельных регионов.

В период до 2050 г. США предусмотрен ряд локальных войн (в рамках войны мировой), в которых самостоятельно устоят лишь крупные государства. Расчленение ряда из них уже поставлено в повестку дня. Нет оснований думать, что в США отменён план расчленения России, оглашённый в 1995 г. Клинтонем перед высшим офицерством. США готовы на любые меры для сохранения своей убывающей гегемонии. США получают в ближайшей перспективе ощутимое преимущество – переключения внимания талибов на Россию и Китай (см. [31, с. 398; также 24]) Вовлечённость Синьцзяна в указанные процессы неслучайна: идеальный сценарий решения глобальных проблем США – упреждающий удар в стык России, Индии и Китая, в Средней Азии и Синьцзяне (сердцевине ШОС). Китай незаметно прошёл «точку возврата» (240-летие своего господства в Восточном Туркестане). При таком «катализаторе» любой локальный конфликт в центре Азии способен разрастись в региональный, а то и глобальный. Положение России здесь нельзя считать безопасным – с учётом политики НАТО по её

окружению. При этом принципиальной уверенности в партнёрстве Китая (в отличие от Индии) у России нет (см. [10, с. 11]).

Бессистемно-эпизодическое обращение к истории не просто бесполезно, а наносит вред целостному видению сложных проблем и процессов. Напротив, системно-исторический подход позволяет видеть перспективу, предвидеть и своевременно предотвращать кризисы и катастрофы типа формирующихся в центральной Евразии (см. [40, с.44; 7]).

Механизм Большой игры нашего времени различим с помощью теории ген. Снесарева и восьми значений китайского иероглифа *сюань* (входит в состав Сюань Е – личного имени цинского императора Канси). Для США Китай предоставляет новые возможности во времени и пространстве «С₁», угрозы американцам «С₂», для чего нужно по мере сил «Е» оптимизировать угрозы, а возможности – действительно «М» использовать. Главный ценностный «S₁» интерес США и цель «S₂» – интеграция Китая в ему «понятную» «W» глобальную экономику и систему безопасности и тем самым практически «P» признать сохранение гегемонии США; $P_p = (C_1 + C_2 + E + M)(S_1 + S_2 + W + P)$. Сюда подключаются 8 значений «сюань»: «С₁» отдалённый, «С₂» уединённый, «Е» тёмный, «М» мистический, «S₁» глубокий, «S₂» сокровенный, «W» непонятный, «P» фальшивый (пустой). В «открытом» спектре налицо эффект фальши, отдалённой от истины, в «скрытом» – уединения и непонятности, в «сугубо скрытом» – сокровенной темноты, в спектре АФИНА – мистической «глубины». В Большой игре противоборство США и Китая идёт с почти равными шансами. Этого нельзя пока сказать о шансах России, где указанная выше проблематика зачастую воспринимается как: «С₁» незаметная во времени и пространстве, «С₂» «единичная» в людском восприятии, «Е» неясная в плане проявления силы, «М» фантастичная в плане организации, «S₁» слишком ценностно-скрытая, «S₂» слишком глубоко замаскированная в отношении цели, «W» непонятная и практически «P» как бы вовсе не существующая.

В то же время США по разработанному РЭНД Корпорейшн и ЦРУ Проекту-2020 намечают эскалацию управляемого хаоса в направлении Индии, России и Китая, для чего существует резерв нынешних боевиков и будущих пакистанских пауперов. Запад, Япония и Китай предполагают получить неограниченный доступ к среднеазиатским и, главное, российским ресурсам (см. [20, с. 62–63; 21]). Китай вовлечён в Большую игру, не будучи уже при Мао Цзэдуне запрограммирован на борьбу с США сколько-нибудь всерьёз (см. [14, с. 6; 11, с. 770; 54, с. 303–304]).

В Синьцзяне, как и в Палестине, «это не политический конфликт, а столкновение двух культур» – исламской и неисламской цивилизаций внутри КНР на фоне ренессанса ислама в современном мире (сравн. [13, с. 23–24]). Налицо слияние Афганского и Пакистанского театров войны в единый АфПак (см. [1]). НАТО пытается втянуть Узбекистан в афганский конфликт, обещая содействие в «оккупации» афганского Севера (см. [57, с. 3]). Опасность для КНР в Синьцзяне существует со стороны афганской пров. Кундуз, Таджикистана (где талибами уже прерваны коммуникации войск НАТО) и Ферганы. Такова оказалась реальность доктрины Шёлкового пути, принятой США в 1992 г. (см. [32, с. 72; 57, с. 3; 34, с. 186]). В Аф-

ганистане и Синьцзяне наращивание репрессий США и Китаем лишь заставит конфликты разгораться с всё большей силой (срав. [41, с. 15]). Произойдёт это и в случае: 1) если Китай силен, и если, наоборот, 2) сила инсургентов объясняется относительной слабостью Китая (см. [33, с. 84]).

Мир приближается к опасной, критической «точке возврата» (см. [36, с. 137]). Понять это помогает история с её потенциалом прогностики т.к. «всё истинно великое осуществляется медленным незаметным ростом» (Сенека). «Работать для истории – значит работать для царицы знаний» (М. Вебер; см. [8, с. 252]), а «предугадывать явления есть самый характерный и безусловный признак знания», – подчёркивает ген. Н.П. Михневич (см. [18, с. 7; 58, № 9, с. 95]).

Выводы

- В начале XXI в. Восточный Туркестан стал центром мировой политики, где столкнулись интересы всех великих держав.
- История свидетельствует, что прочных и стабильных позиций в Синьцзяне Китай не имел, не имеет – и не может иметь никогда.
- Эскалация «8 конфликтов» и разрастание «АфПак» в Центральную Азию чревато дестабилизацией Синьцзяна, Китая и юга России.
- История может и должна быть наукой прогностической, позволяющей предвидеть развитие указанных выше процессов.

Литература

1. АфПак: метастазы войны с талибами // Однако. 2009, № 9.
2. Геглашвили Н.А. Дискуссии о новой стратегии США в Центральной Азии // США и Канада. 2005, № 7.
3. Григорьев В.В. Землеведение Карла Риттера: Восточный или Китайский Туркестан. СПб, т. 1., 1869; т. 2., 1873.
4. Зенин А. Разведка в сухопутных войсках США на основе анализа открытых источников информации // Зарубежное военное обозрение. 2009, № 5.
5. Зотов О.В. Вопросы историографии Восточного Туркестана в эпоху трёх мировых войн // XXXVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2007.
6. Зотов О.В. Восточный Туркестан (Синьцзян) на весах истории и геополитики // Восток. 2009, № 2.
7. Зотов О.В. Стратегический метод преодоления исторических кризисов и катастроф (о практическом значении теоретического наследия ген. А.Е. Снесарева) // Значение наследия А.Е. Снесарева для решения современных проблем геополитики. М., 2006.
8. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891.
9. Клименко А. Стратегическое партнёрство между Россией и Китаем в Центральной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 2.
10. Коломийцев В.Ф. Методология истории. М., 2001.
11. Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XXI в. М., 2009.
12. Куделев В.В. Аль-Каида и война в Ираке. М., 2008.

13. *Ланда Р.Г.* Политический ислам и события в Газе // Ближний Восток и вызовы XXI в. М., 2009.
14. *Ли Эрбин.* Выбор Китая внешнеполитической стратегии на начало XXI в. // Китай: проблемы внешней и военной политики. М., 2006.
15. *Лозанский Э.* Россия между Америкой и Китаем. М., 2007.
16. *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. М., 2009.
17. *Мак-Грегор Ч.* Оборона Индии. Ч. 1–2 // Сборник материалов по Азии, в. 43–44. СПб, 1891.
18. *Михневич Н.П.* Военная наука и степень точности её выводов. СПб, 1899.
19. *Модестов С.А.* Бытие несвершившегося. М., 2000.
20. *Овчинский В.* Терроризм и управляемый хаос // Региональные и глобальные угрозы терроризма: пути выхода. М., 2006.
21. *Плотников В.В.* Характерные особенности военных угроз России в условиях глобализации. М., 2007.
22. *Репко С.И.* Геополитика. М., 2009.
23. *Розов Н.С.* Философия и теория истории. Т. 1. М., 2002.
24. *Свеишников А.А.* Влияние американского фактора в Центральной Азии и российско-китайские отношения // Китай в мировой и региональной политике. М., 2004.
25. *Семёнов К.* Войска СС: история, структура, боевое применение. М., 2009.
26. *Снесарев А.Е.* рец.: Бартольд В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903 // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Таш., 1904, в. 49, № 1.
27. *Снесарев А.Е.* Жизнь и труды Клаузевица. М., 2006.
28. *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в Среднеазиатском вопросе. СПб., 1906.
29. *Снесарев А.Е.* рец.: Клаузевиц К. Основы стратегического решения // Военная мысль и революция, 1924, № 4.
30. *Снесарев А.Е.* рец.: «Сердце Азии» Скрайна и Росса // Сведения..., в. 20. Таш., 1900.
31. *Стародубов В.* От разоружения к капитуляции. М., 2007.
32. *Суриков А.* Терроризм и тайные политические и экономические войны // Региональные и глобальные угрозы терроризма. М., 2005.
33. *Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. А.-А., 2003.
34. *Толипов Ф.* Стратегическая дилемма Центральной Азии // Россия в глобальной политике. Т. 4. М., 2006, № 4.
35. Тридцать шесть стратагем: китайские секреты успеха. М., 2000.
36. *Уткин А.И., Федотова В.Г.* Будущее глазами Национального совета по разведке США. М., 2009.
37. ШОС и ситуация в Центральной Азии. М., 2005.
38. *Шукишин В.С., Суворов В.Л.* Политика противодействия международному терроризму в условиях глобализации. М., 2006.
39. *Beaufre A.* Batir l'avenir. Paris, 1969.
40. *Beaumont R.* Special Operations and Elite Forces, 1939–1988. NY.–L., 1988.
41. Central Asia Meets the Middle East. L.–Ptd., 1998.
42. *Cline R.* World Power Assessment. Wash., 1976.

43. *Clubb E.O.* China and Russia in the Great Game. NY.–Ldn., 1971.
44. *Collins J.M.* American Small Wars. Wash., 1991.
45. *Collins J.M.* Green Berets, SEALs and Spetsnaz. NY.–L., 1987.
46. *Edwards D.* Before Taliban. Berkl., 2002.
47. *Gallois P.-M.* Paradoxes de la paix. Paris, 1967.
48. *Hassnein F.D.* Kashgar. Central Asia. New Delhi, 1995.
49. *Jackson W.* The Alternative Third World War. L., 1987.
50. *Kuklich B.* Blind Oracles: Intellectuals and War from Kennan to Kissinger. Princeton-Oxf., 2006.
51. *Kurban I.* Şarki Türkistan Cumhuriyeti. Ankara, 1992.
52. *Olzscha R., Cleinow G.* Turkestan. Leip., 1942.
53. *Osgood R.* Containment, Soviet Behaviour, and Grand Strategy. Berkl., 1981.
54. *Shambough D.* Modernizing Chinese Military. Berkl., 2002.
55. *Prawdin M.* The Mongol Empire: It's Rise and Legacy. L., 1941.
56. *Teggart F.J.* Theory and Practice of History. Berkl.–L.A., 1941.
57. Военно-промышленный курьер. 2009, № 46 (312).
58. Зарубежное военное обозрение. 2008, № 4, 6, 8, 9.